

В. А. КУРЕННОЙ

Лейбниц и Петровские реформы

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) относится к числу наиболее универсальных гениев Европы Нового времени. Философия, теология, математика, логика, история, юриспруденция и дипломатия — вот далеко не полный перечень тех областей, в которых проявил себя этот великий ум. Различные части творческого наследия Лейбница постигла, однако, совсем не одинаковая судьба. В девяностых годах прошлого века на русском языке вышло четырехтомное издание его трудов* — была проделана большая работа, и едва ли можно ожидать появления чего-то сопоставимого в ближайшее время. Удивительное дело, но даже в столь значительном издании не нашлось места для того, чтобы осветить один аспект творчества Лейбница, который непосредственно связан с Россией, а именно его деятельность в качестве, как мы бы сейчас сказали, «эксперта» по реформированию государственной и образовательной системы России в эпоху петровских преобразований. По счастью, мы имеем работу профессора всеобщей истории Московского университета Владимира Герье, посвященную именно этому вопросу, вышедшую, правда, 133 года тому назад. Книга Герье об отношениях Лейбница к России и Петру Великому является продолжением его докторской диссертации «Лейбниц и его век» (1868). Несколько позднее (в 1873 г.) Герье выпустил еще и сборник писем Лейбница. Игнорирование темы «Лейбниц и Россия» в советский период так и оставалось бы курьезным упущением с точки зрения специалистов, если бы не следующее обстоятельство. Недавно некоторые идеи Лейбница были актуализированы в контексте новейшей истории постсоветского реформационного процесса. Это своего рода «неолейбницианство» обнаруживается

* *Лейбниц* Г. В. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1982–1989.

в документах, посвященных нынешней административной реформе в России (с прямой ссылкой на работу Герье). Так, в рамках предложений Центра стратегических разработок по реформированию государственной службы в качестве одного из принципиальных пунктов указывалось на необходимость возврата к лейбницианской модели подготовки государственных служащих в независимых (вневедомственных) учебных заведениях — в противоположность позднесоветской и постсоветской ведомственной системе*. Сопоставление этих двух обстоятельств позволяет заключить, что имеет место определенная несогласованность между востребованностью ряда идей из исторического наследия страны в настоящее время и степенью их реактуализации соответствующими компетентными сообществами (в данном случае — историками философии, науки и реформаторства в России). Впрочем, сразу можно отметить, что отсылка к Лейбницу у новейших реформаторов выполняет, скорее, функцию символического «возвращения к позабытым истокам». В работе Герье нет сколько-нибудь содержательных сведений о взглядах Лейбница на подготовку государственных служащих. Есть лишь замечание насчет того, что будущим государственным служащим, обучающимся в университетах наряду с другими специалистами, «следует изучать государственное право и всеобщую историю» (с. 192). Каких-то других высших образовательных учреждений, помимо университетов, планы Лейбница вообще не предполагали. Впрочем, отношение Лейбница к России и реформам Петра заслуживают внимания и без столь прямолинейной связи с современными российскими реформами.

Будучи профессиональным историком, Герье уделил пристальное внимание подробной хронологической реконструкции «русской темы» в творчестве Лейбница на основании его архивных материалов, весьма подробно останавливаясь при этом на роли Лейбница в дипломатических делах России. В силу того что книга Герье построена на основании архива Лейбница (главным образом, его переписки), она предлагает довольно специфическую «оптику», позволяющую взглянуть на Россию глазами одного из наиболее просвещенных и осведомленных людей Европы того времени. Сама по себе тема Лейбница и России замечательна еще и тем, что поворот к Европе, осуществленный Петром, по своей радикальности может быть сопоставлен, пожалуй, лишь с падением железного

* Барабашев А. Г. Попытка реформы государственной службы 1999–2000 гг. (предложения Центра стратегических разработок) // Реформа государственной службы России: История попыток реформирования с 1992 по 2000 год. М: Весь мир, 2003. С. 170 (ср. с. 168).

занавеса в постсоветский период. Во всяком случае, у Лейбница петровские преобразования пробудили надежду на то, что наконец «...москвитяне выйдут из усыпления» (с. 4).

Интерес Лейбница к России обнаруживается с середины 1690-х годов. Известия о реформаторских замыслах Петра и визит «Великого посольства» настолько воодушевляют его, что с этого момента величайший деятель немецкого Просвещения предпринимает всевозможные шаги для установления тесных отношений с Россией. Он пытается заполучить филологические и этнографические сведения о стране, в разное время и через разных лиц предлагает несколько проектов по введению научных институтов и системы образования в России, а также оказывает различные дипломатические услуги российским посланникам. Дипломатическая деятельность, собственно, со временем и обеспечивает ему возможность прямых аудиенций у Петра. Настойчивость в получении доступа к «телу» царя не должна нас удивлять. Лейбниц, как и множество других новоевропейских мыслителей и деятелей Просвещения, считал, если воспользоваться формулировкой Герье, что «прогресс человеческого общества всего более зависел от личной инициативы государей» (с. 25).

Год спустя после первой личной встречи с Петром в Торгау в 1711 году Лейбниц получает на русской службе должность тайного юстиц-советника с окладом в 1 000 талеров с целью, выражаясь словами петровского указа, употребить его «к имеющемуся нашему намерению, чтобы науки и искусства в нашем государстве вящий цвет приобрели» (с. 160). Впрочем, получив единовременную выплату в 500 талеров, он затем на протяжении нескольких лет безуспешно пытался добиться от царской казны выплаты обещанного жалования. Герье даже затрудняется с ответом на вопрос, удалось ли Лейбницу получить вознаграждение во время последней (третьей) серии личных встреч с царем, которые произошли уже в 1716 году в Пирмонте (в том же году Лейбниц скончался). Результатом пирмонтских свиданий с царем был ряд записок по организации научной, образовательной и административной системы России, подытоживающих предыдущие проекты Лейбница.

На протяжении 20 последних лет своей жизни Лейбниц настойчиво и упорно выстраивал систему отношений с Россией, желая принимать непосредственное участие в преобразованиях, связанных с учреждением в стране европейской системы образования и науки, и намеревался возглавить планируемую им ученую коллегию (или академию) — дело, как выражался Лейбниц в одной из своих записок, которое он «предпочел бы всякому другому за-

нятию» (с. 87). Стремясь заслужить расположение русского двора и обладая широчайшей для своего времени системой связей, он не упускал возможности оказывать российским представителям в Европе различные посреднические, дипломатические и информационные услуги, которыми пользовался и Петр. И все же все эти занятия имели в глазах Лейбница второстепенное значение. В одном из посланий Петру он пишет: «Хотя мне и часто приходилось действовать на политическом и юридическом поприщах, а знатные государи иногда в этих вопросах пользуются моими советами, я все-таки предпочитаю науки и искусства, так как они постоянно содействуют к славе Господней и к благосостоянию всего рода человеческого, ибо в науках и в познании природы и художеств более всего обнаруживаются чудеса Господни, Его могущество, мудрость и милость; науки и искусства составляют настоящее сокровище человеческого рода, ибо посредством их искусство превозмогает природу, и цивилизованные народы отличаются от варварских. <...> Я не находил только могущественного государя, который достаточно интересовался бы этим. Надеюсь, что нашел такового в вашем величестве» (с. 133–134).

Уже Герье мог сказать, что многие идеи Лейбница со временем были реализованы в России. Однако в сравнении с замыслами Лейбница и несмотря на его настойчивость в попытках их реализации эти преобразования протекали чрезвычайно медленно и фрагментарно. Пожилой и обремененный недугами философ, любимец немецких князей, занятый множеством дипломатических поручений и планов, ведущий колоссальную переписку со всей Европой и даже с Китаем, неустанно повторяет в своих посланиях, адресованных в Россию, девиз Горация: «Время летит, и вот почему я не сочувствую отсрочкам». Научное любопытство Лейбница и его упорство в достижении знаний о России сталкивалось с полным равнодушием к этим же вопросам в самой стране. Например, на протяжении многих лет Лейбниц упорно добивался, чтобы ему прислали образцы текстов на языках тех народов, которые населяют Россию, для уточнения ее этнографической карты и вопроса о происхождении народов. Но получить перевод «Отче наш» на несколько языков и «список самых обыкновенных слов» оказывается делом практически невозможным. Племяннику Лефорта он пишет: «Это дело нелегкое и может быть исполнено только по приказанию самого царя». Еще бы, когда Лейбницу в 1694 году удалось-таки свести знакомство с одним из немецких посланников в России на предмет этих изысканий, последний так оправдывал невозможность выполнения просьбы знаменитого ученого: «Московский народ совершенно неспособен к изысканию подобных

дикинонок, ибо он не прилагает ни малейшего труда ни к чему, что не пахнет деньгами или не представляет прямой пользы» (с. 5). Уже во время нахождения на царской службе Лейбниц просит самую, казалось бы, малость материалов из России, обращаясь в российские канцелярии, прямо к отдельным царским сановникам, и даже к самому Стефану Яворскому. Ответов из России нет, приходится довольствоваться тем, что можно разыскать в западных библиотеках, и отрывочными сведениями из писем европейских путешественников. Однако же когда «русским правительством» было высказано пожелание собрать в Европе сведения о языке и истории славянских народов, то, судя по приводимым Герье сведениям, лишь Лейбниц оказался способен составить краткую записку для Петра по этому вопросу. Лейбниц предлагает приобрести для России то упавшую в цене библиотеку, то кабинет медалей — все напрасно. В лучшем случае он получает ироничные ответы, вроде того, что дал посланник России в Вене барон Урбих, заметивший, что на случай войны России очень пригодились бы несколько миллионов таких медалей.

Еще питая большие надежды на свое участие в преобразованиях в России, Лейбниц в одной из записок 1711 года обозначает «цену вопроса» «по введению наук» в России: «Если его величество назначит для этого ежегодную сумму в 10 000 талеров... то я уверен, что в один год можно будет достигнуть больших результатов, чем другие народы достигли в десять лет, и с 10 000 талеров можно сделать больше, чем иные сделали с 100 000 талеров» (с. 120). В другой записке того же времени он подробно расписывает «рыночные» источники содержания возможной коллегии, призванной руководить учебной и ученой частями в империи, что позволило бы сделать ее существование необременительным для государственной казны (льготы при введении «новых промыслов», печатанье календарей, возможность создания банка или ссудной казны, устройство лотереи и т. п. (с. 121)). Для оценки суммы, достаточной, в понимании Лейбница, для начала преобразований, можно заметить, что 9000 талеров стоило годовое содержание одного российского посланника в Вене.

Среди сугубо научных проектов Лейбница, помимо стратегических планов по учреждению научных и образовательных институтов и упомянутых лингвистических изысканий, постоянно повторяется тема устройства наблюдений за магнитным полем (в то время отклонением магнитной стрелки компаса от линии меридиана пользовались в морской навигации для определения долготы, но ввиду особенностей магнитного поля земли эти значения требуют постоянного наблюдения в различных точках земного

шара). Этот проект, с учреждением соответствующих обсерваторий, был реализован в России лишь в XIX веке — благодаря стараниям Александра Гумбольдта. Лейбниц также подал царю идею заняться вопросом о границе между Азиатским и Американским материком (с. 146). Этот вопрос был решен в 1728 году посланной по указу Петра экспедицией Витуса Беринга.

Проекты Лейбница по организации государственных, образовательных и научных учреждений, а также их эволюция требуют большего внимания, чем мы можем им здесь уделить. Остановимся лишь на некоторых ключевых моментах. Реконструкция хронологии и содержания проектов, предложенная Герье, позволяет ему уверенно заключать, что Лейбниц отнюдь не является автором идеи учреждения в России системы коллегий. Идея возникла у Петра раньше — согласно Герье, в начале 1715 года, о чем Лейбниц знал напрямую от одного из корреспондентов в Петербурге (с. 179). К таким же домыслам Герье относит и «темное предание, приписывающее знаменитому философу табель о рангах в России» (с. 195). Среди Пирмонтских записок одна, тем не менее, содержит предложения о числе и назначении коллегий. В отличие от действительно учрежденных Петром, Лейбниц предлагал образовать особую коллегия народного просвещения (о ее отсутствии Герье сожалеет более всего), а также полицейскую коллегия. В петровской системе, напротив, наличествовали отсутствующие в плане Лейбница Берг- и Мануфактур-коллегия, от Военной коллегии была отделена особая Адмиралтейская коллегия, а от Финансовой — Штатс-контор-коллегия для ведения государственных расходов. В преамбуле к проекту коллегий Лейбниц использует общераспространенную в его эпоху метафору часов: «Опыт достаточно показал, что государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точною соразмерностью и гармонией, то стрелки жизни непременно будут показывать стране счастливые часы» (с. 197). Что касается эффективности, функций и кадрового состава коллегий, то Лейбниц считал, что «особенное описание» требуется относительно того, «какие лица необходимы для коллегии, в чем должна заключаться их обязанность и какую пользу окажет коллегия вашему величеству и вашей державе» (там же).

Планируемая система российского образования в последних записках Лейбница включает в себя три элемента: «школы для детей, университеты для юношества и академии для взрослых

людей, самостоятельно разрабатывающих науку» (с. 191). Такая система действует в России и по сей день. Разница, пожалуй, лишь в одном: Лейбниц полагал, что следует «профессоров поставить наравне с высшими чиновниками в главных городах и при дворе, а учителей уравнивать во всем с высшими чиновниками в провинции» (с. 192). В проекте системы университетов Лейбниц в числе предпочтительных городов указывал, помимо Москвы, Киева и т. д., также Астрахань. Герье в связи с состоявшимся выбором Казани вместо Астрахани замечает: «Влияние Казани на сибирский край и поддержка, извлекаемая оттуда Казанским университетом, незначительна, тогда как университет в Астрахани достиг бы гораздо скорее высокого процветания, ибо притягивал бы к себе умственные силы не только приволжского, но и всего кавказского края и сделался бы истинным рассадником русского просвещения на востоке» (с. 192–193).

Хотя Герье полагает, что «Пирмонтское свидание не осталось без влияния на решение Петра учредить в свое царствование академию наук в Петербурге» (с. 199), тем не менее «учрежденная в Петербурге Академия мало соответствовала планам Лейбница. Он имел в виду не простое собрание ученых, а учреждение с большим кругом практической деятельности и большими полномочиями» (с. 204). Как с сожалением отмечает отечественный историк, учрежденная Академия «была только подражанием Парижской и Берлинской Академиям “социететом персон, которые для произведения наук друг друга вспомогать имеют”» (с. 205). Так что проект практически действующей науки, в применении ее «к ремеслам, к мануфактурной деятельности и вообще к улучшению народного благосостояния» (с. 204), или того, что в современном популярном издании называется «экономикой, основанной на знаниях», так и остался нереализованным в XVIII веке в России.

Наконец, хотелось бы затронуть еще одну базовую метафору, определяющую понимание Лейбницем России. Через многочисленные письма и записки Лейбница лейтмотивом проходит образ России как «невозделанного поля», *tabula rasa* и т. д. (ср. с. 10, 65, 134, 167 и *passim*), которое позволяет возвести новую постройку по единому плану, избежав тех искажений, которые успели вкратиться в европейские учреждения. «В вашем государстве, — пишет Лейбниц Петру, — все, что касается до науки, еще ново и подобно листу белой бумаги, а потому можно избегнуть многих ошибок, которые вкрались в Европе постепенно и незаметно. Известно, что дворец, строящийся вновь, выходит лучше, чем тот, который строился веками и часто подвергался исправлениям и изменениям» (с. 134). Идея новой постройки, закла-

дывающейся на новом фундаменте, восходит в действительности к одному из родоначальников новоевропейской философии — Рене Декарту, который подробно развивает ее в своем «Рассуждении о методе». При этом Декарт, замысливший именно таким образом выстроить свою систему знания, предостерегает от попыток масштабных общественных переустройств: «Эти громады слишком трудно восстановить, если они рухнули, трудно даже удержать их от падения, если они расшатаны, и падение их сокрушительно». «Мое намерение, — продолжает Декарт, — никогда не простиралось дальше того, чтобы преобразовать мои собственные мысли и строить на участке, целиком мне принадлежащем»*. Таким образом, для осмотрительных новоевропейских философов общества со сложившейся системой отношений мало подходят для крупномасштабных социальных экспериментов. Но применительно к наукам и образованию Россия для Лейбница — чистый лист. Строить там — не значит перестраивать, а значит возводить согласно единому разумному замыслу. Получается — картезианский проект в масштабах самой обширной державы в мире. Для столь кипучего деятеля, как Лейбниц, — поистине уникальная возможность. К сожалению, преобразования, проведенные Петром, лишь в малой части соответствовали замыслам Лейбница. Теперь можно только гадать, как выглядели бы наука и образование в России, начни Лейбниц создавать их с «чистого листа» в соответствии со своими замыслами.

* Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 258.